

Отзыв
официального оппонента Трубицына Дмитрия Викторовича
на диссертацию Комф Евгении Валентиновны
«Органичная модернизация как вид социальной трансформации»,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности – 09.00.11 Социальная философия

Проблема модернизации стала на рубеже веков не только «камнем преткновения» российского обществознания, но и нерешенной социальной задачей. Будучи связанной с проблемой выбора исторического пути развития и затрагивая важные мировоззренческие вопросы, она остается актуальной сегодня так же, как и четверть века назад, когда это понятие только входило в отечественный социально-гуманитарный дискурс. Заполняя «пустоты», образовавшиеся в результате кризиса «марксизма-ленинизма», теория модернизации стала одним из наиболее распространенных конструктов, посредством которых осмысливалась новая и новейшая история, формулировались проблемы развития нашей страны в постсоветский период. И ни крутые повороты российского политического истеблишмента, ни настойчивая критика теории в мировой и отечественной науке не сделали проблему менее актуальной.

В то же время проблема модернизации – одна из сложнейших в современном обществознании, и следует отметить смелость взявшегося за нее молодого философа. И, представив в целом успешное исследование, она показала себя как состоявшийся ученый. Нижеследующие возражения, являющиеся важными с точки зрения научной дискуссии, не снижают общей оценки работы, вносящей свой вклад в решение проблемы.

1. Наиболее существенное возражение касается критики «объективизма». Диссертант затрагивает проблему соотношения объективного и субъективного в развитии, и, настаивая на «субъектности», сетует на то, что участники процесса модернизации – индивиды, общности и классы – предстают в исследованиях как «безликие, безвольные, бессубъектные» акторы-абстракции, функции, производные от социальной «Системы» (с. 7). Логически за данными претензиями должно было бы следовать чисто гуманитарное исследование, основанное на «индивидуализирующих» (по Г. Риккерт) методах, но в реальности мы видим диаметрально противоположное: в качестве теоретической основы объявлены *системный* и синергетический подходы. А дальше – больше: автор использует экстраполированное из биологии понятие «симбиоз», хотя на предыдущих страницах жаловался на то, что субъекты модернизации в современных исследованиях предстают как «безликие, безвольные акторы-абстракции».

Есть и другое противоречие. В абстрактном рассмотрении объекта заключается сама специфика научного познания. Без него невозможно обнаружение социологических,

например, или экономических законов общества генерирующими методами. Безусловно, от выбора в пользу «субъектности» выигрывает философия, но при этом сильно страдает наука: отсекается ее потенциал в выявлении объективных закономерностей.

2. Вышесказанное порождает и другие проблемы, в частности, отсутствие ответа на вопрос о причинах исследуемого процесса. Так, автор пишет, что научная проблема состоит в «обнаружении механизмов и социальных сил, как способствующих, так и препятствующих раскрытию внутреннего потенциала общества в период, *когда оно подошло к стадии качественной трансформации*» (с. 6). Что значит общество «подошло»? Почему в тех или иных обществах наступает такая стадия, почему в одних раньше, в других позже, а в некоторых – вообще не наступает? Эти вопросы требуют ответа, и только после их получения можно приступать к анализу роли субъекта. Откуда берется необходимость замены «отживших социальных форм» (с. 9)? Сказать, что источники изменений бывают «эндогенные и экзогенные», и в этом состоит отличие модернизации от других типов социальной трансформации, явно недостаточно (многие трансформации порождаются эндогенными и экзогенными факторами). Тем более, что их соотношение само по себе – большой дискуссионный вопрос, требующий исследования методами эмпирических наук, чего диссертант не делает.

По мнению автора, «органичная модернизация представляет собой процесс появления качественно нового в результате самоорганизации» (с. 34); «появление новых субъектов связано с процессами самодвижения» (с. 30). Как и большинство российских теоретиков модернизации, диссертант описывает поведение субъектов в уже идущем процессе, вопрос же, почему он происходит, остается без ответа. Провозглашенный «субъективный» подход, который, по замыслу автора, должен преодолеть недостатки современных исследований модернизации, на деле отрывает этих субъектов от реально протекающего процесса. Субъекты порождают этот процесс декларативно, они никак не задействованы в его появлении («самодвижение», «саморазвитие»). Автор предлагает рассматривать «субъект» как «основной источник возникновения и формирования нового качественного состояния общества» (с. 5), но откуда в субъекте возникают эти новые качества? Лишь однажды называются причины – социальные противоречия, дефицит ресурсов и проч. (с. 35), но более внимания им не уделяется. Автор пишет о «противоречивости материи», о «наличии диалектического противоречия как источника движения» (с. 29–30). Быть может, это и верно, но какие именно противоречия порождают модернизацию и почему их наличие до сих пор не привело к ее завершению в России? Без ответа на эти вопросы тезис о самоорганизации материи – «бог из машины», его применение не проясняет проблемы.

3. «Субъектный подход к пониманию процессов изменений в обществе необходим для выявления предпосылок особого – органичного – вида социального изменения» (с. 6). Таким образом, органичная модернизация есть модернизация, вытекающая из особенностей субъекта. Диссертант настаивает на том, что основным фактором модернизации являются особенности организации прежней, трансформирующейся в ходе этого процесса, системы. Тогда следовало бы обратить внимание на данные макросоциологии, в частности, на понятия «долговременная стратегия», «динамическая стратегия» Г. Снукса, Э. Джоунса, отражающие влияние предшествующего развития. Так, в одной из отечественных работ это влияние было зафиксировано метафорой «колея». Ее автор отметил, что задача модернизации российского общества есть задача перехода от «нездорового» равновесия – рентоориентированного социального режима к «здоровому» – производящему и развивающему социальному режиму (Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М., 2011. С. 486). Именно эту большую проблему он обозначил метафорой «перевал», «выход из колеи». Но при этом он отметил: «Удручает политическая пассивность, распространение иждивенческих и агрессивных настроений в широких массах даже образованного населения, практическое отсутствие субъектов перемен. Колея стала еще глубже, выбраться из нее стало труднее» (с. 623). Как же быть, если в особенностях субъектов действительно нет ничего, что могло бы стать источником модернизации? Представленное исследование ответа на данный вопрос не дает.

4. Невнятно и тривиально звучит гипотеза. Возможно, автор прав в том, что в любом обществе есть акторы, способные «раскрывать потенциал своей социальной активности, направленной либо на сохранение, либо на трансформацию традиционно сложившихся форм социальной жизни». Но почему-то одним обществам удается провести быструю успешную модернизацию, другим – нет. Здесь наши претензии сводятся к двум вопросам: 1) можно ли подтвердить или опровергнуть сформулированную таким образом гипотезу? 2) можно ли подтвердить или опровергнуть какую бы то ни было гипотезу, оставаясь на уровне философской рефлексии без привлечения методов эмпирических наук? Наша собственная позиция состоит в том, что философия в чистом виде таких средств не дает. Тем более это касается исследования модернизации как реального, данного нам в фактах социального процесса – оно не может быть полным, особенно если учесть, что цель науки состоит в выявлении законов. Формулировка гипотезы такого исследования должна содержать средства ее проверки на эмпирическом уровне. Если же их нет, и автор не собирается выходить за пределы философской рефлексии, лучше обойтись без гипотезы.

5. Очевидно, что диссертант склоняется к неклассическому пониманию модернизации, упирая на многофакторность и поливариативность данного процесса. Это вполне

современно, если не сказать «модно», однако можно ли полностью отбросить доводы классиков с их весьма серьезными теоретическими основаниями? Безусловно, есть много траекторий развития, множество систем отношений, возникающих в ходе реальных модернизаций, следовательно, много «моделей модернизации». Но это не означает, что в данной динамике нет общего, что позволяло бы использовать общие понятия.

Каковы же теоретико-методологические основания выбора в пользу неклассики? «Основными отличительными характеристиками модернизации как вида социальной трансформации» диссертант считает универсальность, многовариантность, разнонаправленность, полноту охвата общества данным процессом, качественное обновление, эндогенность/экзогенность источника изменений (с. 9, 21). Однако почему набор именно таков, и среди характеристик нет выделенных, например, С. Хантингтоном революционности, комплексности, системности, глобальности, длительности, стадийности, гомогенности, необратимости, прогрессивности? (Huntington S.P. *The Change to Change: Modernization, Development and Politics // Comparative Politics*. Vol. 3. Is. 3 (Apr., 1971). Pp. 288–290). На каком основании выбраны именно эти свойства и отброшены другие в результате весьма поверхностного анализа работ классиков, иногда – по вторичному тексту? Проанализировав вкратце (на трех страницах) концепции и теории модернизации, автор делает вывод, что в них «не подчеркивается важность целостного подхода к пониманию модернизации, анализ этого процесса с точки зрения качественных изменений общества в целом, с учетом не только внешних факторов, приводящих к изменениям, но и внутренних, являющихся результатом процессов самоорганизации и самопорождения обществом новых социальных форм» (с. 17). С этим трудно согласиться. Чем, например, не целостен подход, при котором модернизация считается трансформацией традиционного аграрного общества в современное индустриальное, и почему при этом, как считает автор, недооцениваются аспекты самоорганизации и самопорождения?

б. Надо сказать, что диссертант оставляет «за бортом» и множество авторов, рассматривающих модернизацию с позиции ведущей роли субъекта. Таковыми являются ученые, актуализирующие, например, значение культуры в процессе модернизации (в России – Г.А. Аванесова, А.С. Ахиезер, С.Н. Гавров, О.В. Гаман, Е.С. Ганс, Ч.К. Дыргын-Оол, Б.С. Ерасов, Н.Н. Зарубина, М.В. Змеев, В.В. Ильин, Н.Н. Кобелев, С.А. Магарил, Е.В. Мамедова, Л.С. Перепелкин, И.В. Побережников, Л.Т. Станкевич, В.Ф. Шаповалов, В.Н. Шевченко). Основная мысль их работ как раз и сводилась к тому, о чем пишет диссертант: российская модернизация должна быть органичной, вытекать из собственных предпосылок, особенностей российской культуры, это должно быть развитие на собственной основе. Здесь смущает то обстоятельство, что в степени разработанности упомянуто

очень мало имен. В данной части введения автор не столько проводит анализ состояния проблемы до него, сколько заявляет о собственной позиции. По существу, многие ученые, не только вышеперечисленные, говорили об особенностях российской модернизации, порожденных особенностями ее субъекта, пусть другими словами, не употребляя понятия «органичная модернизация», но их нет в представленной диссертации.

7. Тезис об органичности модернизации противостоит главному, по нашему мнению, ее признаку – конфликтности и революционности. Настаивая на «органичности», было бы продуктивно рассмотреть доводы классиков теории в пользу революционности, и найти противоречия, но автор идет другим путем: анализирует факты истории разных стран с тем, чтобы показать реальность органичной модернизации как трансформации, идущей путем синтеза, симбиоза, а не революции и конфликта. И здесь можно высказать сразу несколько замечаний.

Противопоставление революции и реформ как типов социальной трансформации не всегда правомерно. Очень часто реформы модернизации носят революционный характер: меняют общество до основания, почти полностью ликвидируют старый общественный уклад. Таковыми являются, например, ликвидация феодальной собственности и сословных привилегий, введение конституции и т.п. Именно поэтому по ключевым моментам истории модернизации идет дискуссия. Неясно, например, следует ли считать события эпохи Мэйдзи реформами или революцией. Явно носили революционный характер Великие реформы XIX в. в России, а вот преобразовательская деятельность Петра практически не меняла общественный уклад страны. Если учесть, что посредством реформ зачастую происходит именно революционное изменение общества, а проведение самих реформ невозможно без силового воздействия, их противопоставление малопродуктивно.

Автор сетует на то, что «в истории социально-философской мысли не получила специального развития идея особой органичной модели модернизации» (с. 23). Так, может быть, потому, что ее нет в том виде, в каком понимает ее диссертант? Автор ссылается на наше употребление этого понятия, но мы считаем западноевропейскую, японскую и другие успешные модернизации «органичными» только потому, что они вытекают из внутренних противоречий. И именно потому они успешны, что их причины находятся внутри самого общества. Но сами эти причины есть конфликт, поэтому не следует считать, что органичная модернизация есть некий мирный процесс; это всегда глубокая болезненная трансформация, ведущая к радикальному изменению общественной системы, если только правильно ее понимать – не как «обновление», а именно как трансформацию.

Поэтому тезис классиков о революционности модернизации отбрасывать нельзя. Он указывает на главный фактор контрмодернизации – общество *всегда* сопротивляется

происходящим в нем изменениям, модернизация без глубокой, до основания, ломки социальной структуры невозможна. Без понимания конфликтности, без тезиса о революционности нельзя ответить на вопрос, почему при всех явных преимуществах современного общественного устройства мировая модернизация до сих пор не завершена.

В этой связи и реформы, настоящие реформы, ведущие к реальной модернизации, нельзя понимать как меры правительства, направленные на улучшение положения граждан, и ждать от них сиюминутных выгод. Реформы модернизации революционны, они призваны не улучшать положение людей в ближнесрочной перспективе, а менять самого человека в долгосрочной посредством изменения условий его жизнедеятельности. А раз так, в ближнесрочной перспективе они вызывают сопротивление, реакцию, каковой была реакция, например, на либеральные реформы 90-х гг. в России. Негативно воспринимались и Великие реформы XIX в., зачастую и самими крестьянами, но в долгосрочной перспективе они радикально изменили российское общество, хотя и не привели к необратимой его трансформации в современный индустриальный тип. Приводимые диссертантом примеры органичной модернизации – Япония в период Мэйдзи и после Второй мировой войны, Индия в период правления Д. Неру (с. 24) – не являются органичными в смысле бесконфликтными. Они тоже порождали жестокие внутренние конфликты с силовым вмешательством.

8. Идея органичности модернизации тесно связана с неклассическим тезисом о ее поливариативности. Автор считает, что одной из основных причин неравномерного развития обществ является сохранение исторически сложившихся социальных структур, которые могут либо ускорять, либо замедлять модернизационные процессы. Но различия между разными странами не исключают системного сходства всех традиционных аграрных социальных систем и их системного же отличия от всех, пусть весьма разнообразных, но структурно сходных современных индустриальных. Здесь и выявляется, что при всех различиях модернизаций у них есть и общие задачи, и общая для всех конфликтность – взаимоисключение принципов организации старого общественного устройства и нового. Например, везде необходимо заменить вертикали на горизонталы, отношения господства и подчинения – договорными отношениями, государственно-дистрибутивные принципы организации производства и распределения – рыночными. И везде это вызывает сопротивление. Поэтому не существует простого и безболезненного пути из аграрного общества в индустриальное, и в этом смысле – органичной модернизации.

Здесь представляется неубедительным обоснование сохранения целостности объекта в ходе развития. Недостаточно с опорой на ряд работ в области теории самоорганизации систем утверждать, что модернизация – это «качественное целостное обновление со-

циума без его разрушения» (с. 21). Это не обновление, а радикальная трансформация социальной системы на цивилизационном уровне. Если, конечно, не сужать ее понимание до промышленной революции XVIII – XIX вв. а рассматривать в полном объеме – как трансформацию аграрного общества в индустриальное, происходящее в Западной Европе с рубежа XI – XII вв. до конца XIX в. Диссертант же в обосновании своей позиции выдает отдельные эпизоды модернизации за весь этот процесс и указывает на его «органичность». Но если модернизация есть длительный исторический процесс, то исследование, претендующее на его «целостный» и «философский» анализ, не может ограничиваться его отдельными периодами. Это касается и эпохи Мэйдзи, которой на самом деле предшествовала и которую обусловила длительная трансформация японского феодального общества, это касается и других примеров. Так, в реформах Мэйдзи диссертант видит компромисс социальных сил, но его не было бы, не будь длительного, начиная с XIV в., социально-экономического развития Японии, в результате которого сложился тот уклад экономики и та система общественных отношений, при которой только и стал возможен компромисс.

9. Имеются возражения применению базовых понятий. Есть определенный смысл в противопоставлении «органичной модернизации» и «догоняющей», но важен вопрос – возможно ли совмещение? Автор предлагает слишком резкое противопоставление. Под догоняющей модернизацией он понимает исключительно мобилизационный тип изменений. «Догоняющая модернизация не может быть осуществлена без привлечения, причем зачастую насильственного, широких масс населения, нарушая, таким образом, ход естественноисторического процесса, отвергая или подавляя внутренние формы развития» (с. 26). «В случае догоняющей модернизации инициатива по проведению преобразований исходит, в большинстве случаев, «сверху» (с. 35). Но модернизация Южной Кореи, Сингапура, Тайваня, Таиланда, современного (пореформенного) Китая, Индии, Индонезии и Малайзии является и догоняющей, и органичной – по факту. Эти страны действительно догнали Запад в буквальном смысле, вводили его институты и технологии, одновременно отвечая на его вызов, но это не означает, что внутри их обществ не было собственных предпосылок, которые и обеспечили им успех.

И в то же время они не являлись «мобилизационными». Из работы вытекает, что мобилизационная модернизация и догоняющая – одно и то же, однако их отождествление не правомерно. На это указывает другое существенное противоречие. Основу догоняющей модернизации, по мнению автора, «составляет полное заимствование и копирование образцов развития Соединенных Штатов и стран Западной Европы» (с. 24), и в то же время «догоняющая модернизация не может быть осуществлена без насильственного привлечения широких масс населения» (с. 26). Но в советской модернизации имелись и мобилиза-

ция, и насилие, но не было копирования западных образцов, напротив, суть социалистического эксперимента составлял принципиальный отказ от них.

Не совсем корректно поставлен вопрос о том, «является ли общество принуждаемым к трансформациям или же трансформации возможны путем компромисса между различными социальными силами?» (с. 35). Общество может быть принуждаемым к трансформации, и одновременно идти путем компромисса. Диссертант не учитывает, что «принуждаемым» к трансформации оно может быть не обязательно властью, *а объективными обстоятельствами*, как это на самом деле и происходит и происходило в Японии, Южной Корее, Таиланде, Тайване, Сингапуре, современном Китае.

10. Настораживает отсутствие конкретики в определении: «органичная модернизация как вид социальных трансформаций, происходящих в результате самоорганизации субъектов, консолидации определенных социальных сил, результатом которого является появление новых форм и механизмов социального взаимодействия, а также формирования новой социальной структуры» (с. 27). Это можно сказать о любом значительном этапе общественно-исторического развития, начиная от неолитической революции и возникновения цивилизации и заканчивая революцией информационной. Здесь кроется серьезное логическое противоречие, характерное для многих отечественных исследований. Если модернизация – это трансформация, о чем неоднократно говорит автор, то в первую очередь необходимо определить, трансформация *чего и во что*, какой тип организации общества является исходным, а какой – итоговым?

Отсутствие же конкретики позволяет автору использовать любые исторические факты, доказывающие ее правоту. Здесь и реформы, и революция Мэйдзи, и война Севера против Юга в США, и «новый курс» Рузвельта, и послевоенная Германия. «Выхватывая» эти события из общего исторического процесса модернизации, диссертант видит в нем то, что хочет видеть: то конфликт, то компромисс, то симбиоз, то синтез, но главный процесс выпускается из виду. Между тем, следовало бы прежде всего ответить на вопрос, *что именно* происходит в процессе модернизации, в чем его суть? Представленный анализ истории, конечно, являет некоторую ценность, но это не исследование модернизации, это исследование реформ, составлявших лишь часть, иногда существенную, но отнюдь не исчерпывающую всего длительного исторического процесса модернизации этих стран. Где анализ длительного исторического развития, приведшего к необходимости проведения реформ? К моменту их проведения эти общества стали совсем другими, нежели они были в начале трансформации – за века до нее. Представленная диссертация здесь сливается с многочисленными работами, авторы которых исследуют модернизацию как проект ре-

форм, но не как объективный процесс, хотя сам диссертант заявлял о другом – об органичной модернизации именно как о модернизации «снизу».

11. Вызывают сомнения некоторые оценки исторических событий. Здесь нужно отметить, что философ, исследующий социально-исторические процессы, оперирует на метафизическом уровне не фактами, а их интерпретациями, а они могут быть разными. Наша собственная позиция состоит в том, что философское исследование реальных социальных процессов должно предусматривать собственную же обработку данных, пусть даже отчасти это будет не соответствовать специальности. Результативное исследование социально-исторических процессов может быть только междисциплинарным.

Обратимся к конкретике, помимо уже сказанного о Японии и эпохе Мэйдзи.

Итоги правления Д. Неру, трактуемые автором как «органичная модернизация», оцениваются в литературе по-разному. По нашему мнению, именно этатистская политика «индийского социализма» 50-х – 60-х гг. привела к кризисным явлениям в экономике и политике Индии начала 70-х. Рост государственного контроля, популизм, ограничение свободы предпринимательства стали факторами роста коррупции, тормозили экономику. Росло сопротивление этому курсу, кризис затронул правящую партию, и в 1977 г. впервые за всю историю свободной Индии ИНК потерял власть. Последовал новый курс – в сторону разгосударствления экономики и либерализации, и есть основания считать, что именно он, а не «индийский социализм», привел к сильнейшему за всю историю экономическому развитию Индии. Даже после возвращения к власти ИНК «курс Неру» был серьезно пересмотрен: осуществлялась приватизация, активно привлекался иностранный капитал, во всех вопросах устанавливался принцип приоритета рынка. Таким образом, «индийский», или «гандистский социализм» претерпевал все 50-80-е гг. изменения в сторону либерализма и капитализма, что не отразилось в диссертации.

Совершенно не согласны с тем, что ««тоталитарная модель» была представлена в качестве модернизационного проекта Чан Кайши, опирающегося на опыт построения фашистского государства в Германии» (с. 49). В «фашисты» Чан Кайши записала чрезвычайно идеологизированная советская и китайская коммунистическая историография, сегодня многие историки воспроизводят эту оценку. В оценке результатов маоистской модернизации тоже содержится существенное противоречие. Казалось бы, автор считает, что из трех доктрин развития Китая (тоталитарный «чанкайшистский», демократический либеральный и социалистический) именно социалистический более всего соответствовал внутренним потребностям и культурному коду страны, и именно потому коммунисты победили. Но почему-то этот курс не привел к реальной модернизации, а породил «большой скачок», культурную революцию, т.е. явный регресс. С другой стороны, автор не затронул

наиболее важный период модернизации – реформы конца 70-х гг., которые собственно и привели к мощному экономическому росту и создали Китай таким, каким он является теперь. Суть же реформ состояла в почти полном отказе от социализма в экономике. В то же время анализ данной ситуации мог бы подтвердить некоторые тезисы диссертации – реформы тоже были компромиссом, итогом культурной революции как ожесточенной борьбы между прагматиками и ортодоксами, в которой не могли окончательно победить ни те, ни другие. Результатом стало их согласие по поводу необходимости реформ.

В целом же складывается впечатление, что автор отбирает из истории только случаи, вписывающиеся в ее концепцию. Сравнительно-исторический анализ проводится традиционно для российского обществознания, т.е. избирательно, без формализации данных, без полного их охвата, не оговаривается период исследования. Есть основания сомневаться в том, что результаты такого анализа могут дать достоверное знание для философского синтеза. В связи с этим можно оспорить определение модернизации «как качественного целостного обновления социума без его разрушения путем вырастания новых социальных форм» (с. 57). Конфликты, разрушения, революции играют в модернизации намного большую роль, чем представляется автору.

12. Сведена проблема модернизации к реформам и в анализе российской истории. Автор говорит о многих модернизациях в России, имея в виду реформы в сторону модернизации, в то время как следовало бы называть их попытками модернизации. При этом правильно подчеркивается противоречивость реформ Петра, но наш взгляд, они все же переоцениваются. Положительные эффекты этих реформ под большим сомнением, в главном – социально-экономическом и политико-правовом аспектах – это было движение не вперед, а назад. И реформы Екатерины в этом отношении были противоположными по своей направленности, а не «продолжением реформ Петра», как считает диссертант. Эти ошибки во многом происходят из-за недоговоренности по поводу того, что есть модернизация на уровне онтологии: поскольку не сказано, модернизация – это трансформация *чего и во что*, непонятно, как оценивать результаты реформ в те или иные ее периоды.

Между тем автор правильно подчеркивает позитивную роль старообрядцев (с. 72). И если бы не избирательный характер сравнительно-исторического анализа, можно было бы обнаружить много других примеров, показывающих, что главными агентами модернизации являются субъекты, *не включенные* в господствующую систему производства и распределения аграрного общества, маргинальные для нее слои, что и подтверждает тезис о принципиальной конфликтности данного процесса.

Модернизация включает в себя реформы, это верно, но надо было рассматривать и объективный, идущий «снизу» независимо от этих реформ процесс трансформации. Это

дало бы ответ на многие вопросы, поставленные и не поставленные автором, почему, например, были успешными одни реформы и безуспешны другие. Однако диссертант сам закрыл дорогу к этому, провозгласив модернизацию как обновление, как субъективный проект, а не объективный процесс.

В итоге мы согласны с тем, что «самоорганизация является так и не раскрытым потенциалом модернизации России», но раскрыть этот потенциал могут только объективные условия и порожденные ими объективные процессы трансформации, а не некий «правильный» курс реформ, даже тот, который будет осуществляться при учете всех, высказанных диссертантом пожеланий.

Как уже отмечалось, высказанные замечания не влияют на конечный вывод о работе, тем более, что сами они являются дискуссионными. И возможность дискуссии есть главное подтверждение наличия результатов исследования. Вступая в диалог, как по самой проблеме модернизации, так и по важнейшим вопросам развития нашей страны, автор показывает способность генерировать новые научные идеи.

Прежде всего, новым в современном исследовании проблемы можно назвать анализ исторической динамики в части реформаторской деятельности и ее результатов с точки зрения влияния субъектов и контрагентов модернизации.

Весьма актуальным и своевременным является противопоставление «адаптационных» и «модернизационных» изменений, а также утверждение, что модернизация – не формальный, а именно содержательный процесс.

Особенно удачным и важным в современной ситуации считаем положение о том, что залогом успешной модернизации является не мобилизация, а самоорганизация. Действительно, всякая успешная модернизация в истории есть процесс самоорганизации снизу. Этот тезис чрезвычайно важен в силу того, что в отечественной науке преобладает (равно как в реальной истории доминирует) государственническое понимание модернизации как спущенного сверху проекта. Хотя в реальности такая «модель» уже не раз завершалась провалом, не приводила к выходу на новый уровень развития, подавляющее большинство авторов разделяют данную точку зрения: главным субъектом модернизации они видят государство, причем «сильное». Здесь стоит согласиться с выводами автора относительно сталинской модернизации, которая на деле оказалась движением назад, а не вперед: «при смене формы не произошло изменения содержания; приняв оболочку модерна, социальный организм не модернизировался, а архаизировался» (с. 79).

Однако здесь же выявляется одно из главных противоречий работы: *тезис о самоорганизации никак не противоречит принципу объективизма*, против которого выступает

автор; он вовсе не требует абсолютизировать роль субъекта в этом процессе. И логическое завершение высказанных диссертантом идей могло бы привести к диаметрально противоположным выводам. Мобилизационная и органичная модернизация разделены правомерно и своевременно (особенно в свете происходящего в России), но важен вопрос, почему теми или иными обществами избирается именно та или иная модель. Ответ может дать только анализ объективных условий существования и развития общества в его социальной и естественной среде, но этого анализа нет. Это – наиболее существенное противоречие работы, но оно не перечеркивает всего результата, может и должно, на наш взгляд, стать стимулом дальнейшей исследовательской работы.

Диссертация Комф Евгении Валентиновны «Органичная модернизация как вид социальной трансформации» соответствует требованиям, предъявляемым ВАК при Министерстве образования и науки РФ к кандидатским диссертациям согласно пп. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Комф Евгения Валентиновна заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – Социальная философия.

Официальный оппонент:

доцент кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна
ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет»,
кандидат философских наук,
доцент

Трубицын Дмитрий Викторович

Подпись удостоверяю

Учёный секретарь ФГБОУ ВПО «ЗабГУ»

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Забайкальский государственный университет»

28 января 2016

О.В. Евтушок

672039 Россия, г.Чита, Александрo-Заводская, 30

Тел.: +7 (3022) 41-64-44, электронная почта: rektorat@zabgu.ru

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Забайкальский государственный университет».